

ТЕАТРЪ И МУЗЫКА.

„Чудакн“, соч. Максима Горькаго.

Опять на сценѣ передъ нами моментъ общественнаго кризиса, опять та эпоха, которая идетъ непосредственно во слѣдъ за интенсивнымъ направленіемъ общественныхъ силъ, за періодомъ исключительной вѣры въ силу и значеніе человѣческаго усилія.

Для молодежи это—„Распутица“, для зрѣлыхъ людей моментъ переживанія разочарованія, отрицанія социальныхъ усилій, солидарности, восхваленія обособленности.

Люди чувствуютъ себя выброшенными за бортъ, имъ некуда дѣвать свои силы; они способны только созерцать потокъ жизни, горевать о своемъ одиночествѣ и бесполезномъ существованіи. Разумѣется большинство изъ нихъ искалѣченныя, непригодныя къ труду и разумной дѣятельности природы; въ нихъ сказывается усталость и безсиліе современнаго общества, непониманіе того, гдѣ скрыто истинное захватывающее дѣло и въ чемъ оно заключается.

Во всей этой растерянности не трудно видѣть намеки на близкое разрушеніе старыхъ традицій еще недалекаго прошлаго и полное неумѣніе отживающихъ людей разсмотрѣть начинающееся новое и неумѣніе и нежеланіе, являющееся результатомъ безвѣрія или крушенія старыхъ вѣрованій.

„Мы живемъ не по логикѣ, а какъ Богъ на душу положить“ ... говоритъ одинъ изъ „чудаковъ“ — Вуколь Потѣхинъ.

А Елена такъ характеризуетъ этихъ людей: „Это люди недобитые судьбой, они осуждены на гибель своей духовной нищетой, своимъ невѣріемъ“ ...

Всѣ они что-то дѣлали, во что-то вѣрили, а теперь „выдохлись, выкричались“, какъ говоритъ Вуколь, разрознились и обособились до того, что даже не понимаютъ и боятся другъ друга.

„Хороша страна, гдѣ всѣ чужды другъ другу“ скорбно восклицаетъ Самоквасовъ.

Какова же судьба этихъ людей?

Устами простого, мудраго и цѣльнаго человѣка Медвѣдовой, Горькій говоритъ: „Эхъ вы, чудаки!.. вамъ бы просто сойтись друженько, да поговорить, да поплакать надъ собой, не стыдись... нечего роли-то играть... публика разошлась уже... одни вы остались одни“ ...

Именно потому, что они не понимаютъ своего положенія, не понимаютъ, что роли сыграны, что въ нихъ уже соль жизни и не для нихъ новая жизнь.

Они осуждены на вымираніе.

Такъ мнѣ представляется основной фонъ пьесы, тотъ „темный фонъ“, по выраженію Елены, „на которомъ долженъ ярче вспыхнуть огонь души и блескъ фантазіи“ искренняго, непосредственнаго творчества, несущаго вѣру въ жизнь, ея красоту, правду, въ то, „что побѣдитъ свѣтлое, радостное человѣческое“.

Характерный истинный положительный путь въ эпоху распутицы даетъ Горькій въ словахъ Мастакова: „я ищущу вокругъ себя этихъ (свѣтлыхъ и радостныхъ) явленій“.

Вотъ именно тотъ путь, который и нуженъ! вѣра въ жизнь и новое бодрое изученіе ея. Въ этомъ сила, въ этомъ ростки и молодые побѣги новаго существованія.

Мастаковъ, пожалуй, тоже можетъ казаться чудакомъ, но это натура исключительная. Прежде всего онъ со всѣмъ старымъ порвалъ, а затѣмъ онъ художникъ, проповѣдникъ новой жизни: у него въ груди „большая дорога и по ней непрерывно проходятъ маленькія мыслишки, пестрые человечки, толкаются, шумятъ живутъ...“

Чудачка съ точки зрѣнія „чудаковъ“ и Елена, совершенно отрѣшившаяся отъ старыхъ традиционныхъ взглядовъ на супружескую вѣрность, откинувшая всякій ложный героизмъ и проповѣдующая дѣятельную любовь полную самопожертвованія и служенія идеѣ новой жизни въ лицѣ любимаго человѣка.

Все что я пытался сейчасъ отгнать схвачено Горькимъ задушевно, глубоко съ искреннимъ и мягкимъ сожалѣніемъ къ чудакамъ, благодаря чему общій тонъ грусти, разлада внутренняго міра съ дѣйствительностью роднитъ всю пьесу съ чеховскими драмами.

Съ художественной стороны новая пьеса Горькаго—полна красотъ и силы, какъ и его прежнія вещи. Пожалуй, тѣ были колоритнѣе и ярче въ смыслѣ изображенія новой, незнакомой среды, казались глубже по замыслу въ то переходное время, когда были новыми, но и „чудаки“ очень крупная вещь.

Дѣйствія въ ней мало, но его и не можетъ быть много въ той средѣ, которую взялъ Горькій, въ средѣ оставшихся за бортомъ „Чудаковъ.“ За то есть настроеніе и настроеніе полное жизненной правды и художественной красоты.

Съ исполненіемъ пьесы и, главное, съ распредѣленіемъ ролей—я не совсѣмъ согласенъ.

Мастаковъ—не въ силахъ г. Орскаго. Онъ вышелъ блѣденъ и слабъ. А мнѣ думается, что именно слабости то и не слѣдуетъ подчеркивать у этого полнаго вѣры и любви къ жизни человѣка.

Вуколь Потѣхинъ вмѣсто „старческаго равнодушія“ охарактеризованъ г. Тихомировымъ „старческимъ благодушіемъ.“ А это противорѣчитъ замыслу автора и общему тону пьесы. Горькій говоритъ про него: „Вуколь чувствуетъ себя одинокимъ и при удобномъ случаѣ мститъ за это окружающимъ его“ ...

Отгнать дано не было. Вуколь оказался обыкновеннымъ добродушнымъ старикашкой, при чемъ его постоянное „хе-хе-хе“, старческій смѣшокъ—въ результатѣ вредитъ авторской характеристикѣ.

Кувичинскій въ общемъ взялъ довольно вѣрный тонъ для Николая Потѣхина, но недостаточно вдумался въ него, не далъ полутоновъ, а въ деталяхъ, иногда важныхъ, игнорировалъ авторскія ремарки.

Г. Лаврецькій въ общихъ чертахъ далъ довольно вѣрный образъ, но очень не отдѣланный, какъ съ внѣшней стороны, такъ и съ внутренней.

Елена удалась г-жѣ Стопориной, нашей простой и естественной тонъ для этой роли. Сцены съ мужемъ проведены тепло и искренно. Но въ финалѣ II-го акта, равно какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ не хватало болѣе детальной отдѣлки. Елена сдерживаетъ рыданія, а не плачетъ склоняясь надъ Зиной, а эта деталь очень красивая и нужная.

Г-жа Миліна черезчуръ рѣзко и мелодраматично ведетъ заключительную сцену II-го акта и совсѣмъ не даетъ ни цѣльнаго образа „человѣка, который не смѣетъ быть самимъ собой“, ни деталей. (Особенно въ сценахъ съ Самоквасовымъ).

Ольга — Кременецкая, по обыкновенію, изящна, проста, колоритна и осмысленна.

Публики было безбожно мало. Гдѣ же у ней интересъ къ „земляку Горькому“?

Л. Л.